

Иером. Петр (Гайденко), В. Г. Филиппов

ВНУТРИЦЕРКОВНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Внутрицерковные конфликты редко становятся предметом исследования историков, политологов и социологов. Вместе с этим противостояние, возникающее порой во взаимоотношениях религиозных институтов в рамках одной конфессии, должно рассматриваться в качестве важнейшего стимула религиозного развития. В представленной статье предпринята попытка классификации внутрицерковных конфликтов в домонгольской Руси.

Ключевые слова: *домонгольская Русь, история Русской Церкви, Церковь в Древней Руси, симония, религиозные конфликты.*

С сожалением приходится признать, что социальная природа древнерусской церковной организации до сего дня остаётся одной из наименее изученных тем в отечественной науке. Одной из причин сложившейся ситуации может считаться немногословие источников. Состояние внутрицерковной жизни, которая была связана с жизнью древнерусских городов, социальная структура которых уже на начальных этапах отличалась сложностью форм, почти не занимало внимание летописцев. Лишь немногочисленные свидетельства о церковных судах и сопутствовавших им событиях, связанных с именами Новгородского архиерея Луки Жидяты и епископа Владимирского Феодора, недвусмысленно указывали на существование серьёзных внутрицерковных противоречий. Составители Печерского патерика практически всецело сосредоточили своё внимание на темах духовного возрастания внутри стен обители. Только «Житие Авраамия Смоленского» отчасти приоткрыло завесу тайны, повисшей над сложными отношениями, бытовавшими внутри самого церковного организма. Во всяком случае, Рикардо

Пиккио считал, что самым примечательным эпизодом «Жития Авраамия Смоленского» необходимо считать рассказ о суде над игуменом¹. Этот суд обычно датируется 1218–1220 гг.²

Ещё большую проблему представляет историография. Помимо проблем, связанных с источниками, изучение тем, связанных с внутрицерковными конфликтами, непременно сталкивается с трудностями морально-этического и религиозного свойства, поскольку нелицеприятному суду историка подвергаются образы и события, многие из которых освящены церковным авторитетом и прочно укоренены в национальном сознании. Уже первый взгляд на историографию вопроса наглядно показывает состояние дел. Если не считать ряд работ, посвящённых смещению митр. Илариона, суду над еп. Лукой Жидятой, а также противостоянию, возникшему на почве борьбы князей за контроль над Киевской митрополией в середине XII столетия, и усилиям Андрея Боголюбского за право учреждения Владимирской митрополии, комплексного освещения тема церковных конфликтов так и не получила. Безусловно заслуживающая внимания специальная глава работы Б. А. Романова³ лишь обозначила проблему, представив дальнейшим поколениям учёных новые исследовательские перспективы, которые, правда, так до сих пор и не были в полной мере реализованы⁴. Наконец, третьим существенным препятствием на пути исследования не афишируемых сторон жизни религиозных институтов до сего дня остаётся проблема отсутствия ясного понимания социальной природы Церкви. В историографии, а значит и в самом научном сообществе, не сложилось однозначного понимания природы связей, существовавших на Руси между, с одной стороны, Церковью, являвшей собой одновременно область действия Святого Духа и свободы земных

¹ Пиккио Р. Древнерусская литература. М., 2002. С. 121.

² К такому выводу пришёл Б. А. Рыбаков. Это мнение было поддержано Л. В. Алексеевым (*Рыбаков Б. А.* Смоленская надпись XIII в. о «врагах игуменах» // Советская археология. 1964. № 2. С. 184; *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 244–245).

³ *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М., 2002. С. 150–181.

⁴ *Романенко Е.* Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002; *Харин Е. С.* Древнерусское монашество в XI–XIII вв.: быт и нравы. Дис... канд. ист. наук. Ижевск, 2007; *Васиховская Н. С.* Киево-Печерский монастырь во второй половине XI — первой половине XIII века: Автореф. дис... канд. ист. наук. Тюмень, 2009.

членов церковного организма, и, с другой стороны, — государством и обществом⁵. Несомненно одно: внутреннее и внешнее состояние Церкви во многом соответствовало состоянию общества и государства, в рамках которых религиозный институт действовал. Но основания этих отношений ещё не вполне осознаны и по сей день остаются камнем преткновения религиозного благочестия и научной объективности.

Проблема внутрицерковных конфликтов сложнее, интереснее, чем это обычно принято считать, и охватывает значительно большее число сюжетов. Внешние и внутренние конфликты — обычное и в некотором смысле нормальное явление, свойственное любому социальному институту, в том числе и Церкви. По причинам их возникновения, участвующим сторонам, форме протекания и способам преодоления можно судить о степени зрелости социального института, мере его вовлечённости в жизнь общества и государства и, наконец, о его социальной роли и функциях. Конфликт выступает способом совершенствования социальных и политических институтов. Впрочем, совершенствование внешних организационно-иерархических форм деятельности Церкви не означает одновременного улучшения качества внутренней, сокровенной религиозной жизни общества верующих. Поэтому вопрос, насколько верно видеть в процессах совершенствования административных форм деятельности религиозных институтов залог внутреннего совершенствования, для нас остаётся открытым. Несомненно одно: Церковь может и должна рассматриваться как специфический и важнейший религиозный, культурный, социально-политический и экономический институт Древней Руси. Поэтому возникавшие в ней конфликты выступали индикаторами её внутренней зрелости, а поэтому заслуживают специального внимания и нуждаются в пристальном изучении.

⁵ Наиболее полно историографический аспект проблемы понимания церковными историками Божественного основания и социальной природы Русской Церкви, а также соотношения этих природ с социальной организацией древнерусского государства и его общества представлен в исследовании Н. И. Солнцева (см.: *Солцев Н. И.* «История Русской Церкви» Е. Е. Голубинского: теоретические основы и историографическое значение. Нижний Новгород, 2010. С. 54–78; *Он же.* Провиденциальная историческая концепция в трудах русских историков-клириков XVIII–XIX вв. Нижний Новгород, 2005; *Он же.* Труды русских историков Церкви в отечественной историографии XVIII–XIX вв. Дис... д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 2009; *Гайденко П. И.* Несколько замечаний о церковно-исторической науке (на примере исследования киевского периода Русской Церкви) // Клио: журнал для учёных. 2010. № 1 (48). С. 61–65.

В рамках представленной статьи мы предпримем попытку классификации внутрицерковных конфликтов в домонгольской Руси, уточним их максимальное число и выявим способы их разрешения. Систематизировать сохранённые в источниках противоречия, присутствовавшие среди клириков, сложно, поскольку конфликты нередко возникали как результат столкновения не двух, а большего числа сторон. В большинстве случаев мы не знаем многих нюансов дела, а за «благостными» обвинениями виновных в «ереси» или «неподобных речах» от потомков были сокрыты реальные обстоятельства противоречий. При этом мы ясно осознаём, что летописание не могло отразить все, даже самые крупные конфликты древности. Книжники оставили в памяти потомков исключительно самые яркие и важные, в понимании составителя сводов, для будущих поколений события, имевшие в глазах древнего бытописателя принципиальную значимость.

Сообщения источников позволяют выявить следующие группы внутренних конфликтов. Во-первых, это конфликты, возникавшие между претендентами на митрополию и епископские кафедры. Примерами этого могут служить взаимоотношения, развернувшиеся в пятидесятые годы XI столетия между митр. Ефремом, с одной стороны, и ставленниками времён Ярослава, митрополитом Иларионом и епископом Новгородским Лукой Жидятой⁶, с другой стороны. Отстаивание Новгородским владыкой прав русской церковной организации на автокефалию встретило жесткий ответ со стороны империи. Не менее яркими и драматичными стали известия летописцев об ожесточённой борьбе за обладание Киевской митрополичьей кафедрой в середине и второй половине XII в. Открытое противостояние Климента Смолятича и Константина, поддержанных многочисленными сторонниками, недвусмысленно свидетельствовало о присутствовавшей внутри церковного организма напряжённости⁷. Не менее сложная череда конфликтов разразилась вокруг лично-

⁶ ПСРЛ. Т. 3. С. 182–183; Т. 4. С. 118; Т. 9. С. 91; *Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 66–69; *Мильков В. В.* Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята // Россия XXI. 2009. № 2. С. 116–155; *Он же.* Духовная дружина русской автокефалии: Иларион Киевский // Россия XXI. 2009. № 4. С. 112–155; № 5. С. 98–119; *Гайденоко П. И.* Ещё раз о суде над Лукой Жидятой (1055–1059 гг.) // Каптеревские чтения. Вып. 7 / отв. ред. М. В. Бибиков. М., 2009. С. 53–63.

⁷ ПСРЛ. Т. 1. С. 315; *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Траектория традиций: Главы из истории династии и Церкви на Руси конца XI — начала XIII века. М., 2010. С. 21–79;

сти епископа Владимирского Феодора. Прежде всего, это участие Феодора в пресечении незаконных посягательств новопоставленного епископа Леона на Суздальскую кафедру и, конечно же, конфликт любимца Андрея Боголюбского с Киевским митрополитом⁸. Все перечисленные сюжеты ясно указывают на зрелость христианской жизни, рост канонического сознания, критичности и глубокой церковной религиозности лиц, участвовавших в затяжном противостоянии Владимира и Киева.

Во-вторых, это противоречия, существовавшие между архиерейскими кафедрами и монастырями. Наиболее яркими из них были регулярно возникающие разногласия между Печерской обителью и митрополией⁹. Если в 1074 г. умиравший Феодосий сумел найти поддержку монашеской автономии своей обители благодаря покровительству Святослава Ярославича и Глеба¹⁰, то лишённая во времена Владимира Мономаха княжеской защиты от посягательств митрополитов Печерская обитель не смогла в 1168 г. защитить своего игумена Поликарпа от несправедливого суда столичного первосвященника¹¹. Вероятно, митрополичья кафедра настойчиво добивалась безусловного контроля над доходами древнейшей и богатейшей русской обители. К этой группе конфликтов в равной степени может быть отнесён суд над Авраамием Смоленским. Собственно, и новгородская жизнь, характеризовавшаяся широкой автономией местных монастырей от власти местного архиепископа, могла возникнуть как реакция на не дошедшие до нас противоречия внутри Новгородской епископии. Во всяком случае, то равноправие, которое существовало между архимандрией и епископией (архиепископией) на берегах Волхова, не могло возникнуть в результате «добровольной» передачи местными епи-

---

Голубинский Е. Е. История Русской Церкви: Т. 1: Период первый, Киевский или домонгольский. Ч. 1. М., 1901. С. 439–443; *Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. С. 220.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 351–352, 354–355; *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви: Т. 1. Ч. 1. С. 439–443; *Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. С. 220; *Воронин Н. Н.* Андрей Боголюбский. М., 2007. С. 84–118.

⁹ См.: *Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. С. 120–122, 220; *Гайденко П. И.* Очерки церковно-государственных отношений в Киевской Руси: становление высшего церковного управления (1037–1093 гг.). Казань, 2006. С. 129.

¹⁰ ПСРЛ Т. 1. Стб. 187.

¹¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 354; *Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. С. 220–221.

скопами своих прав подчинённому священству. За этими паритетными, и даже вольными на межличностном уровне, взаимоотношениями, которые особенно наглядно прослеживаются в форме отношений Кирика с преосвященными адресатами¹², скрывались связи, вызванные к жизни не только особым статусом монастыря прп. Антония Римлянина, основанного эмигрантами из Европы¹³, но и специфическими формами жизни, сформировавшимися в городской среде в результате продолжительной эволюции церковно-государственных отношений на берегах Волхова.

В-третьих, противоречия между монашествующими, насельниками обителей, и приходским духовенством. О наличии такого противостояния, по большей части эмоционального, но искреннего и порой не пренебрегавшего радикальными мерами, говорят послания «некоего Христолюбца», поучения Климента Смолятича и обстоятельства уже упоминавшегося выше суда над Авраамием Смоленским. Причины этих разногласий, вероятно, проистекали из множества причин: внутреннего недопонимания, традиционно существующим на бытовом и даже концептуальном уровне между иночеством, с его тягой к крайней форме аскезы, и женатым священством, быт и жизнь которого не многим отличались от жизни мирян¹⁴. Примером могут служить упрёки в адрес уже много раз упоминавшегося нами еп. Феодора в том, что тот был женат¹⁵. Здесь

---

¹² На эту черту во взаимоотношениях Кирика с знатными адресатами обратил внимание С. Смирнов (*Смирнов С.* Древне-русский духовник: очерк. Сергиев Посад, 1899. С. 72).

¹³ *Мильков В. В.* Первый учёный Руси: жизнь, творчество, идейное своеобразие воззрений. К 900-летию Кирика Новгородца // *Россия XXI в.* 2010. № 6. С. 107, 111.

¹⁴ По мнению П. В. Знаменского и Е. Е. Голубинского, быт и нравы значительной части древнерусского приходского духовенства были «жалкими», не многим отличались от образа жизни самих пасомых как в области нравственности, так и по своему достатку и социальному статусу (*Знаменский П. В.* Приходское духовенство на Руси. М., 1867. С. 1–2; *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. С. 562–564).

¹⁵ Был ли Феодор женат? Вероятно, да. Комментируя суд над Владимирским епископом и следуя устоявшейся традиции, прот. Иоанн Мейендорф излишне категорично указывал на то, что Феодор был женат и не соблюдал целибат. Но, как мы считаем, верно говорить, что Феодор *происходил* из женатого священства, что в последующем рассматривалось его недоброжелателями в качестве признака порочности. Тем не менее, к моменту епископской хиротонии Феодор очевидно уже не состоял в браке. В противном случае едва ли бы патриарх совершил рукоположение ставленника, имевшего своим противником и даже врагом Киевского митрополита, наверняка изблотившего бы Феодора в недостоянстве. Однако ничего подобного не произошло (*Голубинский Е. Е.* История Русской

нельзя путать святоотеческую позицию в отношении отсутствия противоречия между монашеским и семейным путями с реальным недопониманием, существовавшим и бытующем по сей день между сторонниками этих путей христианской жизни¹⁶. Ещё одной причиной разногласий могла служить бедность значительной части женатых священников¹⁷ и более

Церкви. Т. 1. Ч. 1. С. 440–441; *Пападакис А., Мейендорф И., прот.* Христианский Восток и возвышение папства: Церковь в 1071–1453 гг. М., 2010. С. 478).

¹⁶ В одном из своих поучений святитель Кирилл Туровский следующим образом наставляет монахов: «Житье же в последней нищете — значит мирских священников осуждение, досаждение и укоризны, хулы и посмеяние, и испытание: полагают они, что не так служат Богу монахи, но обманно, свою погубляя душу» (*Кирилл Туровский, свят.* Повесть Кирилла, многогрешного монаха, о белоризцах и о монашестве, о душе и о покаянии — Василию игумену Печерскому // *Колесов В. В.* Творения бл. Кирилла Туровского. Притчи, слова, молитвы: Исследования и тексты / публ., коммент., предисл., пер. В. В. Колесова. М., 2009. С. 45). Этот отрывок наглядно рисует живую картинку отношений, возникавших между монашествующим и женатым священством.

¹⁷ Б. А. Рыбаков обратил внимание на упреки безвестного монаха Даниила, автора «Слова об идолах». Ревнитель христианского благочестия обличал приходское духовенство за участие священников в языческих празднествах. Автор «Слова» в следующих словах упрекает пастырей, приспособлявавших церковные молитвы к языческим обрядам: «вторыя тряпезы родоу и рожаницям. на прельсть верным хр(с)тяном. и на хоулоу с(вя) томоу кр(е)щению. и на гнев б(о)гоупо с(вя)тем крещении черевоу работни. попове оуставиша трепарьприкладати. р(о)ж(де)ства б(огороди)ци» (Слово святого Григория Богословца. изобретено к тулце. о том како первое погани сущее языци служили идолом и иже и инее мнози творять // *Гальковский Н.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси: Т. 2: Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. М., 1913. С. 25; *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 2002. С. 25–26). Подобные же обличения в адрес «попов», которые, потакая язычникам, «погубиша виноград» Церкви, встречаются и в «Слове некоего христолюбца» (Слово некоего христолюбца, и ревнителя по правои вере // *Гальковский Н.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 2. С. 42). Всё это указывает на то, что, по-видимому, практика участия священства в таких празднествах была обычным, привычным делом. Источники возникновения подобных искажений христианской жизни, вероятно, следует искать не столько в богословской и канонической малограмотности, что не совсем верно, хотя бы потому, что тропарь Рождества Богородицы, употреблявшийся за языческими трапезами, был применён весьма удачно, сколько в бедности священства. Известие Повести временных лет о раздаче Ярославом русскому духовенству «уроков» очевидно свидетельствовало о тяжёлом материальном положении клириков: «И ины церкви ставяше по градомъ. И по местомъ. Поставляя попы. И дая имения своего урокъ и веля имъ учити людии и приходити часто к церквамъ. Попови бо часто достоить учити людии. Понеже тому есть поручено Богомъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 140; *Гайденко П. И.* Место Киевского митрополита в системе политических отношений Киевской Руси (988–1037 гг.): Дис...

высокий или, по меньшей мере, стабильный уровень жизни иночества, пользовавшегося регулярными подношениями со стороны ктиторов и благотворителей¹⁸. И наконец, последним источником недопонимания могла становиться конкуренция, возникавшая между приходами и монастырями¹⁹. Вместе с тем, источники сохранили известие и о дружбе, или по меньшей мере взаимном расположении, между монахом и мирским

канд. ист. наук. Казань, 2005. С. 197–198).

¹⁸ О многочисленных случаях благотворительности князей, знати и обычных горожан в пользу монастырей и отдельных иноков сообщают и Печерский патерик, и «Житие Авраамия Смоленского» (см.: Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII в. / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб., 2004. С. 296–641; Житие и терпение преподобного отца нашего Авраамия, просветившегося во многом терпении, нового чудотворца среди святых города Смоленска // Памятники литературы Древней Руси: XIII век / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачёва. М., 1981. С. 66–105; Присёлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. С. 118).

¹⁹ В своё время Е. Е. Голубинский пришёл к вполне разумному, но недостаточно обоснованному им выводу, что в домонгольской Руси «священников у нас был не недостаток, а избыток, превышавший более или менее действительную нужду» (Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. С. 451). Житие Авраамия, описывая суд над Авраамием, указывает на значительное число разнообразных участников процесса со стороны смоленского клира: игумены и попы, чернецы (монахи), диаконы и все церковнослужители (различные члены причта). Множественное число, употреблявшееся при описании смоленского клира, явившегося на публичный суд, позволяет предположить, что собралось не менее трёх — четырёх десятков человек. Приведённая Л. В. Алексеевым топография домонгольского Смоленска указывает на существование в городе и пригородах 20 церквей (Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. С. 149). В условиях небольшого города, каким был тогда Смоленск, содержание такого обширного причта было делом по меньшей мере обременительным, а для самих клириков — непростым. Описывая поведение духовенства во время суда, составитель обратил внимание на то, что главными врагами Авраамия, готовыми его «съесть», были именно игумены и попы (Житие и терпение преподобного отца нашего Авраамия... С. 81, 83). О напряжённости, царившей в городе, можно судить по содержанию граффити, оставленном сторонниками Авраамия в одном из смоленских храмов: «Г(осподи) и помъзи дому великъму нъ даждь) в(ъ)рагомь игумень)мь истратит (и его до) кьн(ъ)ца ни Климяте» (Рыбаков Б. А. Смоленская надпись XIII в. о «врагах игуменах». С. 184; Воронин Н. Н. Смоленские граффити // Советская археология. 1964. № 2; Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. С. 244–245). Если под «великим домом» понималась не только Церковь вообще, но и главный храм обители, то понятие «истратить» позволяет трактовать это сообщение не только как мольбу о недопущении духовного оскудения, но и призыв об избавлении от материального истощения клириков, сохранивших верность Авраамию. Правда, это обстоятельство требует дополнительного исследования, выходящего за рамки настоящей статьи.

священником в Смоленске. Обвинённого в немыслимых грехах преподобного Авраамия защитил приходской пресвитер Лука Прусин, клирик княжеского храма, самостоятельно явившийся на суд и смело обличивший участников суда в несправедливости, жестокости и ложных, «злых», клятвах²⁰. Однако этот случай скорее исключение, чем норма²¹.

Четвёртая группа конфликтов локализована Новгородом и связана с противоречиями, возникавшими в отношениях между клириками и ктиторами храмов. Именно эти противоречия были одними из побудительных причин, приведших к новгородской «революции» 30-х гг. XII столетия.

Ещё одна группа известий, связанных с осуждением еретиков, указывает на наличие особых противоречий, возникавших вокруг епископских кафедр на идейной основе. Правда, в большинстве случаев обвинения в еретичестве были не просто голословными, но и ложными. Во всяком случае, можно утверждать, что обвинение подсудимых и опальных иноков в еретичестве использовалось архиереями для затушёвывания каких-либо иных, более существенных разногласий, которые бросали тень не столько на обвиняемых, сколько на самих судей.

Летописание упоминает лишь несколько случаев еретичества в домонгольской Руси. Однако практически все они, даже самый ранний из них, связанный с именем некоего инока Андреяна²², связаны с социальными, а не догматическими разногласиями. Обвинённые в ере-

---

²⁰ «<...> Господь явился в это время у церкви честного архангела Михаила преподобному Луке Прусину. В то время когда он стоял на молитве в 9 часов, ему слышен был голос, говорящий, что «вот моего блаженного угодника ведут на суд с двумя его учениками, хотят его мучить, ты же ни в коем случае не сомневайся в нём». И сказал блаженный Лука судящим блаженного Авраамия и унижающим его: «Ведь его сильно унижают, несправедливо хуля; но если бы его грехи были на мне! А слышали вы, что хотели в давние времена сделать такие же безумные люди и их епископ, не имеющие страха Божьего и как хотели безвинно убить другого святого. Это к тому же злой порок, хула, и злая клятва, и за это гнев Божий продолжался более тридцати лет, а с вами будет хуже, если не покаетесь» (Житие и терпение преподобного отца нашего Авраамия... С. 83).

²¹ Вероятно, ещё одним наглядным, но крайне редким примером взаимопонимания, изредка встречавшегося между монахами и приходскими священниками, может служить жизнь митр. Илариона, бывшего клирика княжеского храма в Берестове, принявшего постриг от преп. Антония (см.: Мильков В. В. Духовная дружина русской автокефалии: Иларион Киевский. С. 141).

²² «Того же лета <1105 г.> митрополит Леонт посади в темницу инока Андреяна, скопца. Укаряше бо сеи церковныя законы, и епископы, и презвитеры, и ноки» (ПСРЛ. Т. 9. С. 68).

си Лука и Феодор, в случае с первым — в «неподобных речах», едва ли были виновны в искажениях основ веры. В условиях плохо развитого церковного сознания на Руси под еретичеством понимались не только вероучительные отклонения²³, но и канонические разногласия. В итоге дела, в которых присутствовало обвинение в ереси²⁴, могли скрыть более существенные конфликты и нарушения в церковной жизни²⁵. В подобных случаях церковные суды становились инструментом передела внутрицерковных доходов и способом контроля епископа над средствами храмов и монастырей. А в условиях, когда разногласия Печерской обители и ряда епископий с митрополией были обусловлены идеями о внутренней автономии и церковной автокефалии, поддерживаемыми

²³ Ересь — это «ошибочное учение, искажающее фундаментальные основы христианской веры» (Православная энциклопедия. 2008. Т. 18. С. 598).

²⁴ Примером этого может служить текст знаменитого послания Печерского игумена Феодосия князю Изяславу. Независимо от того, связан ли этот памятник с прп. Феодосием или Феодосием-греком, изложенные в нём обвинения латинян, обличаемых автором в ереси, в подавляющем большинстве пунктов к ереси никакого отношения не имеют и касаются главным образом различных канонических практик и нравственных проступков латинского духовенства. Гневные обличения игумена Феодосия направлены против безнравственного поведения латинского духовенства, «нечистоты» жизни, пищевых правил западных христиан, форм Причастия и Крещения (см.: Послание о вере латинской // *Поньрко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. X–XIII века. Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992. С. 16–18; *Гайденок П. И., Фомина Т. Ю.* Обзор письменных источников по истории Русской Церкви и церковно-государственных отношений в домонгольской Руси. Т. 1: Источники по истории Русской Церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (до 1154 г.). Ч. 1. Летописные и каноническо-правовые источники, назидательные послания духовенства. Казань; Набережные Челны, 2008. С. 163–176).

²⁵ Обвинения Луки и Феодора в ереси так или иначе были связаны с процессами автономизации их кафедр от Киева. Митрополит Макарий полагал, что основной причиной нежелания Киева предоставить Владимиру независимость было стремление сохранить под своим контролем богатую владимирскую десятину (*Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 2. С. 295). Не имея возможности наказать Феодора за стремление князя Андрея к автокефалии, Владимирского епископа обвинили в ереси. Подобным образом развивались события и вокруг Луки Жидяты. Но наиболее наглядно материальные интересы прослеживаются в сообщениях о суде над Авраамием Смоленским, обвинения которого в еретичестве скрывали противоречия, вызванные как идейными, так и экономическими разногласиями монастыря преп. Авраамия с другими обителями и епископской кафедрой (см.: *Гайденок П. И., Филиппов В. Г.* Церковные суды в Древней Руси (XI — середина XIII вв.): несколько наблюдений // Вестник ЧелГУ [в печати]).

частью русского духовенства и некоторыми князьями²⁶, суд первосвященника становился важным орудием давления на строптивых клириков²⁷. Если при этом учесть, что церковные суды на Руси не предполагали протоколирования процесса²⁸, а наказания за еретичество отличались крайней жестокостью, предполагавшей не только членовредительные меры, но и смерть²⁹, Церковь в лице епископа или митрополита получала возможность раз и навсегда избавиться от обвиняемого, как источника своих беспокойств.

В особые группы могут быть выделены разногласия, сопутствовавшие отношениям между православным и латинским духовенством, и, наконец, межличностные противоречия, присутствовавшие внутри монастырских стен. Однако последние группы противоречий весьма специфичны. Первая из них не может быть рассмотрена как внутрицерковный конфликт уже по причине канонического разделения, су-

²⁶ Мильков В. В. Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята. С. 154–155.

²⁷ Примерами этого могут служить несправедливые, с точки зрения современников описываемых событий, митрополичьи суды над Лукой Жидятой и Поликарпом Печерским (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 354; Т. 3. С. 182–183; Т. 4. С. 118; Т. 9. С. 91).

²⁸ Это обстоятельство радикально отличало церковные суды Руси и Византии. В Империи суд уже несколько столетий предполагал ведение письменного делопроизводства. На Руси же византийское духовенство, злоупотреблявшее своей свободой и бесконтрольностью со стороны Константинополя, не обременяло себя такими формальностями (см.: Гайденко П. И., Фомина Т. Ю. Обзор письменных источников по истории русской Церкви и церковно-государственных отношений в домонгольской Руси. Т. 1. Ч. 1. С. 126–127).

²⁹ При том, что, с точки зрения канонического права, церковный суд над еретиком не имеет своей целью каким-либо образом воздействовать на еретика, принуждать его к чему-либо, а уж тем более наказывать физически или социально (ПЭ. М., 2008. Т. 18. С. 609), в действительности византийское право предполагало широкий набор мер принуждения, экзекуции и расправы в отношении лица, обвинённого в ереси. Данное обстоятельство было обусловлено требованиями византийского законодательства, предписывавшего применение церковными судами норм гражданского права (Азаревич Д. История византийского права. Ярославль, 1876. Т. 1. Ч. 1. С. 61–62). Уже во времена Юстиниана эта практика делала византийские церковные суды более радикальными, чем значительно более поздняя католическая инквизиция, не имевшая права казнить человека и только выносившая вердикт о виновности или невиновности обвинённого. Практика церковных судов над еп. Феодором, игуменом Авраамием Смоленским и суды самого Феодора в Ростове ясно указывают, что иерархи не были щепетильны в выборе мер наказания виновных (см.: Гайденко П. И., Филлипов В. Г. Церковные суды в Древней Руси (XI — середина XIII вв.): несколько наблюдений...).

ществовавшего между латинским и восточным духовенством. А вторая группа разногласий протекала внутри одного церковного института, монастыря, и во многом была обусловлена не только социальными, но и личностными противоречиями, вызванными особенностями иноческой жизни. Именно поэтому мы уклонимся от их специального рассмотрения в рамках данной статьи.

Кроме этого сообщения источники дают основание полагать, что протекание внутрицерковных конфликтов на Руси сильно зависело от местных религиозно-политических условий. Противоречия, возникавшие внутри религиозных институтов в Новгороде, Киеве и Ростовской земле, развивались и разрешались по-разному. Во всяком случае, религиозная жизнь разных земель отражала специфику местных церковно-политических процессов.

Конфликты, связанные с Церковью, и во внутрицерковной среде в Новгороде протекали по-иному, чем в Киеве или Ростове. Это было вызвано большей развитостью канонического и догматического сознания не только среди самого духовенства, но и среди жителей города. К тому же в Новгороде сформировалась совершенно иная, чем на Юге Руси каноническая и правовая традиция. Данное обстоятельство объясняется комплексом условий, вызванных своеобразием организации местных религиозных и политических институтов.

Во-первых, это могло быть связано с присутствием в Новгороде западноевропейской версии кирилло-мефодиевской традиции церковной организации. Её опора на древние христианские нормы права и снисходительность к бытовым мелочам способствовала возникновению на берегах Волхова особой духовной ситуации³⁰.

---

³⁰ Практика заказных Литургий, роднившая новгородское каноническое право с ирландским, отличалась несравнимо большим милосердием к обвиняемым в церковных проступках и преступлениях, поскольку не предполагала жестоких мер заключения или членовредительства (м.: *Кузьмин А. Г.* Западные традиции в русском христианстве // Введение христианства на Руси. М., 1987. С. 49–50; *Он же.* Крещение Руси. М., 2004. С. 196–197; *Мильков В. В.* Кирилло-мефодиевская традиция и её отличие от иных идейно-религиозных направлений // Древняя Русь: пересечение традиций. М., 1997. С. 327–370; *Он же.* Первый учёный Руси: жизнь, творчество, идейное своеобразие воззрений (к 900-летию Кирика Новгородца). С. 119). К тому же названный обычай заказных Литургий хорошо вписывался в специфический быт местного купечества и боярства, образ жизни которых, как нам видится, вполне может рассматриваться в качестве прообраза нравов бюргерства. В Ростово-Суздальской земле, Смоленске или Киеве по-

Во-вторых, жизнь новгородской Церкви находилась под неусыпным контролем ктиторов.

В-третьих, выборность священников и епископов предполагала учёт множества мнений при определении кандидата и изначально предупреждала возможность возникновения в последующем крупных противостояний в церковной среде.

В-четвёртых, значительное число храмов находились в ведении различных социальных и торговых корпораций. В итоге священник выступал в качестве наёмного лица, что лишало как его, так и особенно епископов шансов через подчинённое духовенство злоупотреблять или свободно пользоваться материальными возможностями храмов.

В-пятых, церковная казна как всей епископии, так и её отдельных институтов и храмов находилась под контролем концов, боярства и остальных жителей города. Вероятно, епископ нёс за это ответственность³¹. Город, а не епископ обладал исключительным правом регулиро-

---

вание христианского милосердия понималось иначе и находило своё отражение не в снисходительности, а в показательных казнях. С другой стороны, новгородская практика заказных Литургий отдалённо напоминала принципы штрафов и индульгенций, чем немало способствовала повышению благосостояния храмов, поскольку заказ богослужений наверняка был делом не дешёвым. Разумно предположить, что для службы требовалось приобрести просфоры, ладан и вино (продукты, несомненно, крайне дорогие для Руси), свечи и оплатить труд священнослужителей и певчих (*Перхавко В. Б. Торговый мир средневековой Руси. М., 2006. С. 276–282*).

³¹ Об этом можно судить по ответу, сохранённому в Вопросании: «Къи человекъ крещен в латынскую [вероу]. и хошет приступити к нам. ать ходит в церков по. 7. дни. а та первые наре ему имя <...>. и тако во. 8. день измыется. и пришед в церковь прокленет свою веру <...>. а на литургии даси ему причащенье и тако дежиш яко новокрещенаго. аще мощно и до. 8 го дни». Высокая, хотя и без излишней жёсткости, требовательность епископа к приёму латинян в Православие может быть объяснена не только каноническими нормами, но и иными причинами (Особая редакция «Вопрошания Кирика». Се есть вопрошание кирилово. иже вопроша епископа новгородскаго Нифонта и инех // *Смирнов С. Древне-русский духовник: материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1914. С. 26–27; Мильков В. В. Первый учёный Руси... № 6. С. 107*). Всё же появление *двоеверия* (признание равноценности восточного и латинского обрядов новгородскими христианами) указывает на то, что симпатии местного населения к латинству имели место (*Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 2001. С. 217–226*). Иначе почему женщины так просто могли окрестить ребёнка в латинском храме, вызывая обоснованное недовольство новгородского духовенства? Возможно, определённое епископом испытание было призвано пресечь вхождение латинян в состав местных общин и таким образом, защи-

вания материальных ресурсов Церкви. Поэтому на берегах Волхова внутрицерковные конфликты не могут рассматриваться в отрыве от особенностей устройства новгородского политического строя и внутригородских противоречий³². В итоге жизнь новгородской христианской общины была обусловлена контролем ктиторов над финансовыми ресурсами епископии, храмов и духовенства³³. Поэтому только в Новгороде в этот период мы встречаем аресты архиереев за конкретные нарушения, и только здесь разбирательства над ними сопровождались с соблюдением в целом уважительного отношения к архипастырям даже после их арестов³⁴. Очевидно, интересы местных элит, ограничивало право западноевропейцев на получение не только новгородского гражданства, но и каких-то торговых и иных привилегий. Тем не менее, высказанное нами суждение нуждается в дополнительном исследовании, а поднятая проблема требует специального рассмотрения.

³² См.: *Петров А. В.* От язычества к святой Руси: новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003. С. 31–160.

³³ Наиболее показательны в этом отношении обстоятельства новгородских волнений 30-х годов XII в. и их результаты, выразившиеся в появлении уставных грамот Святослава Ольговича, Ярослава и Всеволода Мстиславича (см.: *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.* / изд. подг. *Я. Н. Щанов.* М., 1976. С. 146–165). Эти уставы принципиально отличались от тех, которые были дарованы князем Ростиславом местной Смоленской епископии при её учреждении, поскольку цель новгородских грамот регламентировать уже имевшиеся в руках новгородского духовенства доходы, в то время, как цель грамот Ростислава — обеспечить существование кафедры (см.: Там же. С. 141–146). Подобным же образом рисуются новгородские события 1228 г. Тогда из города был изгнан еп. Арсений. Его обвинили в симонии, интригах и незаконном занятии кафедры через посредство князя (ПСРЛ. Т. 3. С. 272–275; Т. 4. Ч. 1. С. 204–209). То есть новгородцы считали себя вправе контролировать движение денежных средств в городе, даже если это касалось местной кафедры.

³⁴ В историографии продолжительное время господствовала точка зрения, представляющая, что в результате новгородских волнений 1130-х годов власть епископа была ограничена. Скорее же произошло обратное: управление городом стало приобретать черты «теократии», политическое влияние епископа возросло, но его права и обязанности были строго регламентированы, а должность с 1156 г. стала выборной. Подобным образом развивались события и вокруг института княжеской власти на Волхове (см.: *Мавродин В. В.* Народные восстания в Древней Руси: XI–XIII вв. М., 1961. С. 92–93; *Фроянов И. Я.* Мятежный Новгород. СПб., 1992. С. 194–207; *Тулунов В.* Русь Новгородская. М., 2009. С. 82–98). Наиболее наглядно об этой ситуации свидетельствует порядок взаимоотношений епископа Арсения с его обвинителями в период новгородских волнений 1228–1230 гг. Новгородский владыка был судим на вече и подвергся лишь домашнему аресту. Только после разбирательств Арсений был выпровожен из города (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 272–273; *Петров А. В.* От язычества к святой Руси... С. 192–209).

видно, своеобразии жизни новгородского церковного округа обеспечивалась автономией местной епископии. В данном отношении примечателен арест в Киеве Нифонта Новгородского, вероятно, представлявшего в Киеве не только свои интересы, но и интересы Новгорода. Его непримиримая позиция к поставлению Климента Смолятича так и не была поколеблена. Нифонт был помещён в Печерский монастырь и, по-видимому, сохранил за собой право служения. Здесь в обители Климент был вынужден вести с Новгородским владыкой переговоры о возможности взаимной службы³⁵, поскольку литургическое общение легитимизировало канонические права автокефального русского митрополита. По сути, арест Нифонта был почётным. Данное обстоятельство очень сильно рознит судьбу этого владыки с еп. Феодором, который подвергся унижению и жестокой казни.

В южной Руси и Ростове, как мы уже отмечали, всё было иначе. Здесь также совершаются аресты епископов и клириков. Однако условия их содержания нередко принципиально отличались от тех, которым подвергались Новгородские архиереи у себя в городе. В результате А. С. Хорошев был склонен полагать, что действия митрополитов-греков по избавлению от своих конкурентов и врагов отличались особым радикализмом. Именно с Киевской митрополичьей резиденцией так или иначе связаны заточения епископов, их убийства и даже отравления³⁶. Однако нам ситуация видится несколько сложнее.

Статьи Устава князя Ярослава Мудрого ясно указывали на то, что митрополит и епископы в результате церковных судов получали от осуждённых исключительно денежные штрафы. А вот наказание виновника

Подобным образом развивались события и вокруг владыки Иоанна Попьяна, который хоть и был смещён, однако, несмотря на запрет поминовения, его имя всё же осталось в списках новгородских предстоятелей (ПСРЛ. Т. 3. С. 473; *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 21–22). Новгород очень бережно сохранил в памяти имена практически всех предстоятелей, как своих, так и киевских. Однако киевское летописание не помнило даже имён главных предстоятелей Русской Церкви.

³⁵ Киево-Печерский патерик. С. 352–355.

³⁶ А. С. Хорошев не исключает возможности того, что смерть еп. Луки на его обратном пути в Новгород вполне могла стать результатом отравления, обычного способа политической борьбы византийцев. Собственно, и смерть еп. Стефана, по мнению исследователя, тоже косвенно связана с деятельностью митрополичьей резиденции в Киеве (*Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. С. 19–20).

преступления возлагалось на князя: «а князь казнит»³⁷. Во всяком случае, на это право и одновременно эту обязанность княжеской власти вполне обоснованно обратил внимание В. Н. Бабенко³⁸. Вероятно, А. В. Стадников был прав, когда высказал идею о том, что денежные штрафы в пользу епископа и невозможность применения в церковных судах жестоких норм Номоканона и византийского права к подсудимым были вызваны необходимостью «адаптации» церковного права к местным нормам³⁹. Но едва ли это была единственная и, самое главное, основная причина такого положения дел в церковных судах XI — середины XIII столетий.

Возможно, ещё одним мотивом ограничения власти византийских епископов оставалось недоверие к ним со стороны самих князей, видевших пристрастность епископских и митрополичьих судов, смешивавших интересы судебной правды и какие-то личные выгоды. Княжеская власть не только легитимизировала каноническую правоспособность епископата, но и контролировала её. Ярким свидетельством этого может служить реакция смоленского князя на суд над игуменом Авраамием⁴⁰. А в ряде случаев этот орган канонической власти, митрополичьи суды над Лукой Жидятой, еп. Феодором и суды самого еп. Феодора над ростовцами, по воле князей (или в случае расправы над Феодором в условиях слабости княжеской власти) становился способом преодоления политической борьбы князей со своими оппонентами⁴¹. То, что епископат, вероятно,

³⁷ Устав князя Ярослава о церковных судах. Основной извод // *Щанов Я. Н.* Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 86–91.

³⁸ *Бабенко В. Н.* Правовая основа функционирования судебных органов древнерусского государства в IX–XV вв. // *История судебных учреждений России: сборник обзоров и рефератов / гл. ред. Ю. С. Пивоваров.* М., 2004. С. 64–65.

³⁹ *Стадников А. В.* Церковный суд в системе церковного правосудия в X — начале XX вв.: документы и материалы. Хрестоматия. М., 2003. С. 8.

⁴⁰ Князь и его окружение, присутствовавшие на суде, не только не признали вины за Авраамием, но и обличили епископа и духовенство в намерении неправо убить игумена. После этого князь демонстративно удалился с процесса: «...а после того как князь и вельможи не нашли за ним никакой вины, проверивши все и убевдившись, что нет никакой неправды, но все лгут на него, сказали тогда в один голос: «Да будем неповинны, владыка, — сказали они всем, — в том, что воздвигли такое обвинение на него, а мы неповинны в том, что вы на него наговариваете или замышляете какое-то незаконное убийство!» И говоря: «Благослови, отец, и прости нас, Авраамий!» — с тем и ушли восвоися» (*Житие и терпение преподобного отца нашего Авраамия...* С. 83).

⁴¹ *Гайденок П. И., Филиппов В. Г.* Церковные суды в Древней Руси (XI — середина

сам учреждал суд (состав суда) своей епископии⁴², едва ли способствовало объективности выносимых решений.

Как разрешались внутрицерковные конфликты в домонгольской Руси? Источники показывают, что преодоление конфликтов практически ни разу не происходило в результате переговоров⁴³. Впрочем, намёк на XIII вв.): несколько наблюдений [в печати].

⁴² *Честных Т. И.* Суд и процесс в Киевской Руси в XI–XII вв. // История судебных учреждений России: сборник обзоров и рефератов. С. 80.

⁴³ Как нам видится, наиболее ярко это прослеживается в деле осуждения еп. Феодора, якобы посланного Андреем Боголюбским на суд митрополита. Общеизвестная интерпретация слов летописи о том, что Андрей «послал» Феодорца к митрополиту исключительно для суда, безупречна, на что обратил внимание ещё Е. Е. Голубинский. Дышащий ненавистью к епископу Владимирскому, человеку, несомненно, жесткому и властному, летописец крайне неубедительно пишет, что Феодор был отправлен для суда. Мы предполагаем, что эта версия целенаправленной отсылки Феодорца непосредственно самим Андреем возникла в результате желания киевского и сочувствовавшего ему духовенства скрыть от суда потомков готовившуюся в Киеве для Феодора ловушку. Не следует забывать, что, например, в Новгороде и даже Турове, как склонен полагать В. В. Мильков, идеи церковной автономии были весьма сильны и имели своих сторонников, что видно и по практике избрания епископов, и по тесной связи этих кафедр с местными, а не киевскими элитами. Отправка Андреем Феодорца к митрополиту, вероятно, предполагала иное, некие сопроводительные грамоты, обеспечивавшие безопасность проезда посла, выехавшего в Киев по воле своего князя для решения каких-то неизвестных нам вопросов. Едва ли этот отъезд выражал волю владимирского деспота судить Феодора в Киеве. Властный Андрей с успехом это мог сделать и сам, как это произошло в случае с суздальским делом еп. Леона (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 352). И едва ли для расправы над кем-либо Владимирский князь нуждался в помощи киевских иерархов, прославившихся в эти годы своей симонией (взятками) (*Татищев В. Н.* История Российская: В 3 т. М., 2003. Т. 2. С. 331). Однако устранение Феодора неминуемо влекло падение самого Андрея, на что пророчески указал свят. Кирилл Туровский в притче о человеческой душе и теле: «И увидел тот человек, что обокрали его виноградник, и пожелал разлучить слепца и хромца; и велел сначала привести слепца, чтобы спросить, кто нарушил его приказание и посягнул на запретное без его разрешения. Ибо ничто не может утаиться от Божьего ока <...>. Повелел разлучить Бог душу с телом. Словом же Божьим исходит из тела душа: “а отнимешь, — сказал, — дух их, — исчезнут они и в персть возвратятся”». Душа или слепец, в аллегорическом толковании святителя, — Феодор, а тело или хромец — Андрей. Высказанная нами гипотеза требует самостоятельного анализа, объём которого выходит за рамки настоящей статьи. Во всяком случае, Н. Н. Воронин в заключении своей главы, посвящённой взаимоотношения Феодора и Андрея, с исследовательской честностью заметил: «В XII же веке <...> владыка Федор погиб в муках как еретик и самозванец, предприняв и кровавую трагедию смерти Боголюбского. В свете всех этих обстоятельств становится ещё более понятен масштаб «митрополичьей неправды», определивший ярость

каноническое решение спора между епископами можно видеть в диспуте, устроенном между Феодором и Леоном в присутствии князя по вопросу о вкушении пищи в Господские праздники⁴⁴. Однако сообщение летописца таково, что текст допускает множество интерпретаций летописной записи: от суда, судебного состязания и до богословского диспута. Ещё один пример такой попытки мирных переговоров можно увидеть в усилиях Климента Смолятича, напрасно убеждавшего Нифонта, епископа Новгородского, к совместному служению. Однако и этот случай безупречен, поскольку Новгородский владыка находился под арестом⁴⁵.

Вероятно, в редких случаях споры разрешались в Константинополе. И в этом отношении отсылка Леона на суд императора примечательна, поскольку позволяет усматривать в суде Владимирского князя черты инквизиционного трибунала: Церковь высказывает своё суждение, а светская власть принимает решение о наказании. Во всяком случае, В. Н. Бабенко поддержал идею С. Пашина о том, что уже с начала XII в. русское судопроизводство «дрейфует к процессу инквизиционному», с характерными ему разделением церковной вины и светского наказания, публичности, уходу от символических способов выявления истины к пыткам⁴⁶. Эти черты «дрейфа» явно прослеживаются и в суде над Авраамием Смоленским. Но, учитывая всё сказанное выше, было бы заблуждением не принять во внимание, что между персонами Авраамия и Леона есть, по меньшей мере, два существенных различия. В то время как Авраамий — это русский игумен небогатого монастыря, Леон — архиерей и византиец, покусившийся на «чужое» и получивший в своё распоряжение богатую кафедру. Поэтому отправка Суздальского епископа в Константинополь на суд императора закономерна, поскольку Леон, как высокопоставленный византиец, мог пренебречь судом князя и имел право воспользоваться разбирательством своего дела в

разгрома Киева войсками Андрея» (*Кирилл Туровский, свт.* Кирилла монаха притча о человеческой душе и о теле, о нарушении Божьей заповеди и о воскресении тела человеческого, о Страшном Суде и мучении // *Колесов В. В.* Творения бл. Кирилла Туровского. С. 36; *Воронин Н. Н.* Андрей Боголюбский. М., 2007. С. 118).

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 352.

⁴⁵ Киево-Печерский патерик. С. 352–355.

⁴⁶ *Пашин С.* Краткий очерк судебных реформ и революций в России // Отечественные записки. 2003. № 2. С. 161; *Бабенко В. Н.* Правовая основа функционирования судебных органов древнерусского государства в IX–XV вв. С. 64–65.

присутствии василевса. Во всяком случае, в домонгольской Руси мы не знаем ни одного случая княжеского или местного церковного суда над клириками из числа византийцев.

Всё вышеизложенное приводит нас к следующим выводам. Христианская жизнь Руси была погружена во множество мелких и крупных конфликтов. Указать их число практически невозможно. Внутренние противостояния были неотъемлемым элементом жизни Русской Церкви уже на самых ранних этапах существования древнерусской церковной организации. Самим фактом своего существования они отражали наличие процесса становления и взросления христианства в землях восточных славян. Одна часть этих противоречий была обусловлена обстоятельствами этнического и политического взаимного непонимания и неприятия, существовавшего между византийским и местным духовенством. Другая была обусловлена противоречиями, отражавшими социальные различия, свойственные внутренней структуре церковной организации, как это хорошо прослеживается на примере Новгорода. Однако практически во всех рассмотренных в настоящей работе конфликтах едва ли не основным камнем преткновения выступали противоречия, порождённые материальными интересами. За ними скрывались либо бедность, вынуждавшая духовенство делить между собой скудные приношения от прихожан, призванных содержать значительный клир, либо ненасытное богатство, не гнушавшееся симонией, поборами и какими-то иными подношениями в пользу епископата или митрополита. Некоторые из этих болезней были порождены местными условиями, как это наблюдается в случае противостояния еп. Феодора ростовскому духовенству. Но многие из пороков, свойственные византийской церковной организации, лишь заимствовались и получали в новых епархиях и новых условиях дополнительный стимул, как это наиболее ясно представлено в примерах симонии, связанных с деятельностью некоторых митрополитов и епископов. Всё это открывает перед исследователями новые перспективы для дальнейшего изучения церковной старины, социально-экономической деятельности Церкви и истории церковной повседневности.

Hieromonk Petr (Gaidenko), Vitold G. Filippov

INTERNAL CHURCH CONFLICTS IN PRE-MONGOL RUSSIA: THEIR CAUSES AND WAYS OF OVERCOMING

Internal church conflicts are rarely the subject of research of historians, political scientists and sociologists though this confrontation, which sometimes occurs in the relationship of religious institutions within the same denomination, should be seen as a major incentive to religious development. In this article the author makes an attempt to classify the internal church conflicts in the pre-Mongol Russia.

Keywords: *pre-Mongol Rus', the history of the Russian Church, Old Church, canon law, religious conflicts.*